Dva bogatstva

[Moskva]

[1900?]

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

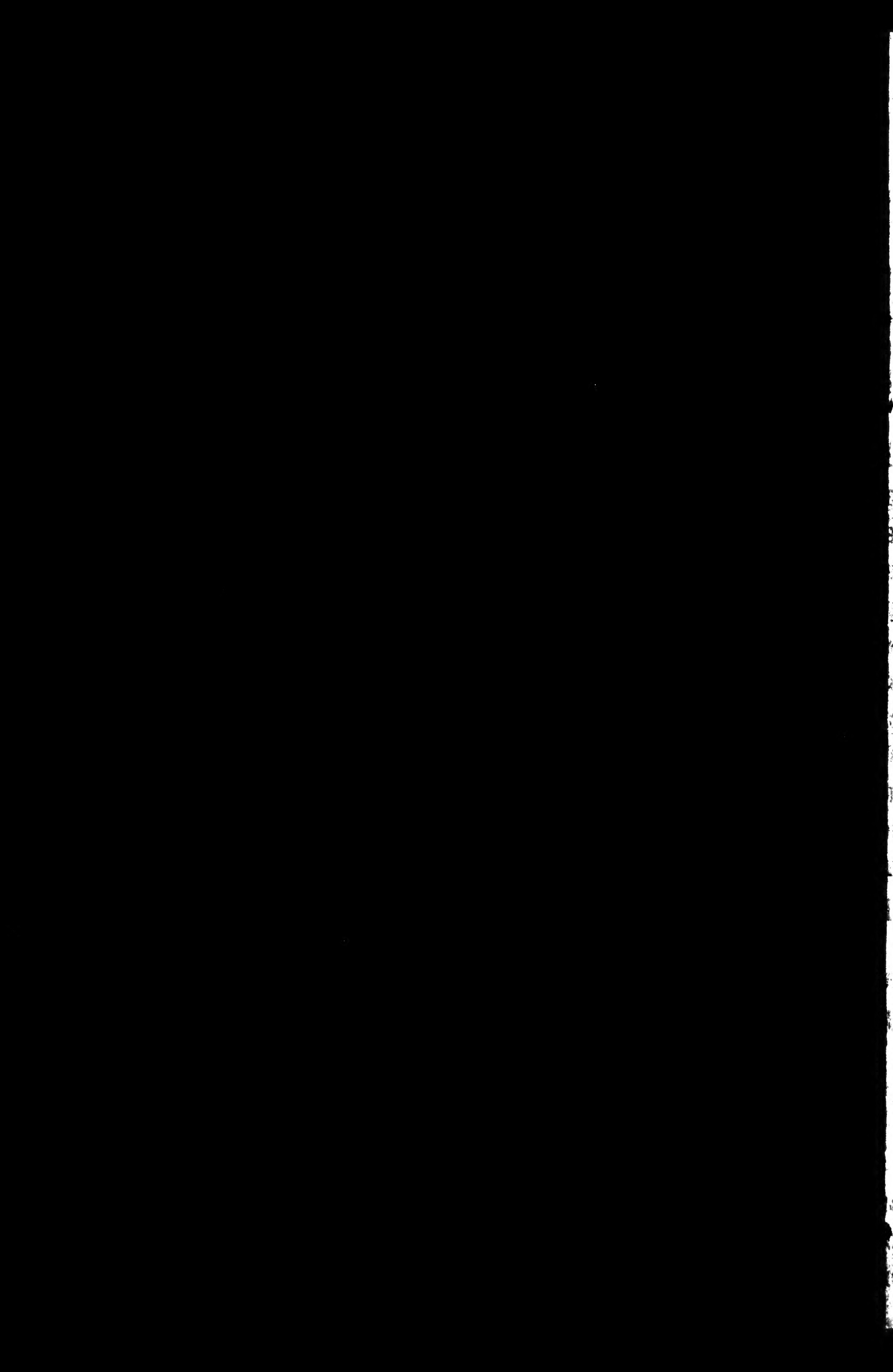
RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCI00052.14

Control Number: AEM-3514
OCLC Number : 30640666

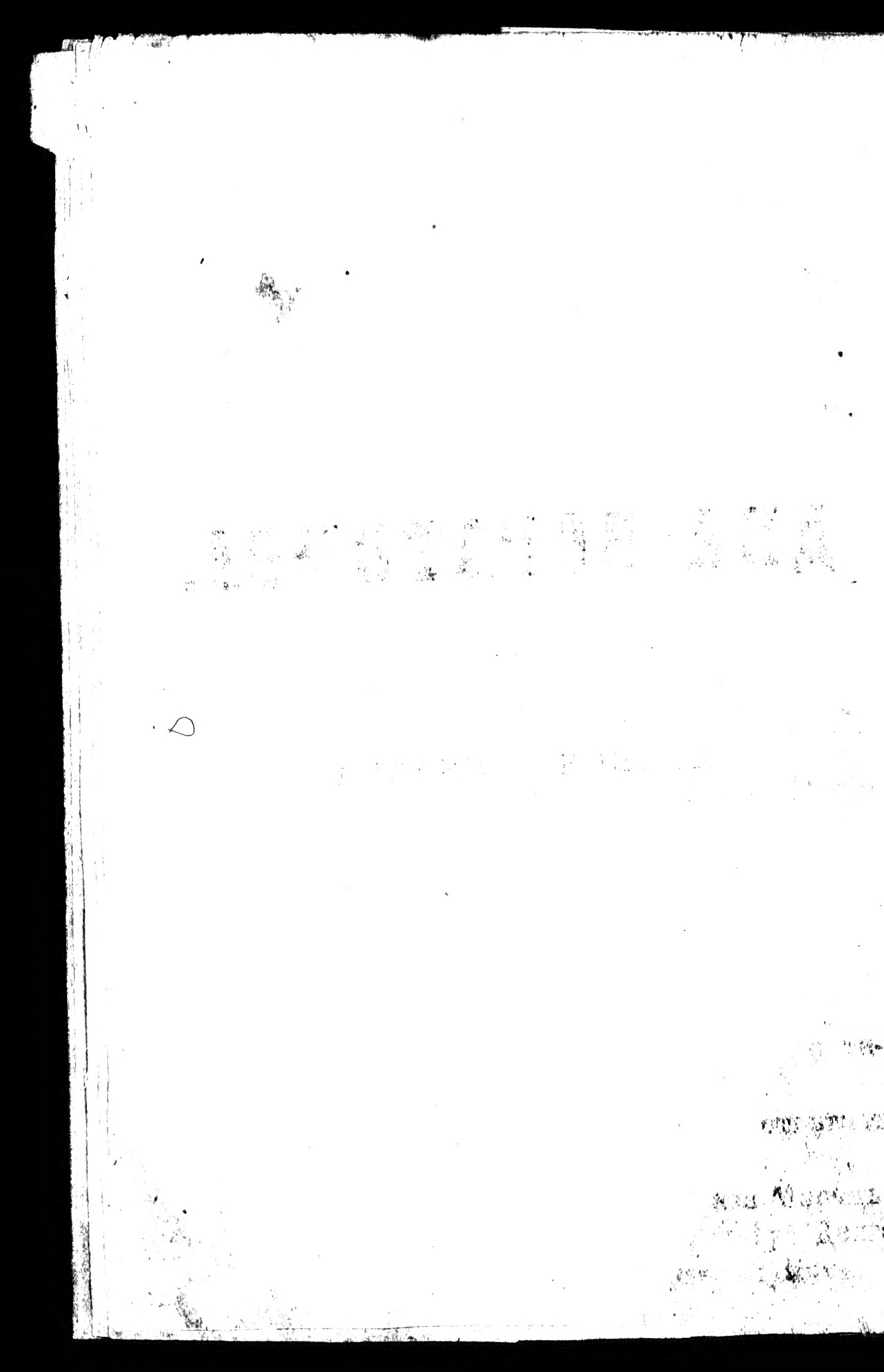
Title : Dva bogatstva : arabskaia skazka.
Imprint : [Moskva : Tip. Vil'de., 1900?].
Format : 32 p. ; 17 cm.
Note : No cover.
Subject : Fairy tales Arab countries.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10-31-94
Camera Operator: CS

ДВА БОГАТСТВА.

АРАБСКАЯ СКАЗКА.

Въ небольшомъ городкѣ на сирійскихъ берегахъ Чернаго моря, который стоитъ очень далеко отъ другихъ городовъ и городковъ, жилъ давнымъ-давно ткачъ шелка. Онъ жилъ долгіе годы работящимъ и довольнымъ человѣкомъ, въ достаткѣ, съ женой и тремя дѣтьми. Аллахъ, за простоту его сердца, благословлялъ его труды: онъ былъ здоровъ и веселъ; жена и дѣти любили его; любили его тоже сосѣди и работники. Но вдругъ, когда онъ утромъ выглянулъ изъ окна на море, въ сердце его заползла змѣя—любовь къ богатству. Все счастье его исчезло, какъ сонъ. Онъ смотрѣлъ на корабли, которые уплывали вдаль, и долго не могъ взглянуть на свой ткацкій станокъ и челнокъ, который выскользнулъ изъ его рукъ.

— Эти корабли, — говорилъ онъ про себя,—плывутъ каждый въ свою далекую землю; они нагружены сокровищами, которыя осчастливятъ много семей. О, если бы одинъ изъ этихъ кораблей приплылъ на родину Конру, бѣднаго ткача!

IRREGULAR PAGINATION

И тяжелый камень легъ на сердце ткача, и слезы ручьемъ хлынули изъ его глазъ. Жена его увидѣла слезы и сказала:

— О чемъ ты плачешь, жизнь моя? Что съ тобою случилось?

Ткачъ отвѣчалъ только черезъ нѣсколько минутъ, потому что онъ стыдился своихъ слезъ и нехорошихъ мыслей.

— Я бы хотѣлъ, милая, видѣть тебя въ богатыхъ нарядахъ, и дѣтей нашихъ одѣтыхъ такъ, какъ дѣти Шабела, купца, у котораго я закупаю шелкъ.

— Сынъ ткача Мамило, неужели ты лишился разума? — вскричала въ изумленіи жена, поднимая шелковую пряжу съ пола. — Работай, работай!.. Такія безумныя желанія ведутъ къ бѣдѣ.

И она бросила ему на колѣна работу. Онъ же гнѣвно посмотрѣлъ на жену, и въ первый разъ лицо ея показалось ему некрасивымъ, а станъ нестройнымъ оттого, что головной уборъ ея и одежда были бѣдны.

Когда на другой день взошло солнце, и Конру снова сѣлъ за работу, мысли кипѣли въ головѣ его, какъ потокъ, прорвавшій плотину, который несется на жилище человѣка, и ненависть и зависть были въ его сердцѣ.

Другъ и сосѣдъ его хлѣбопекъ, который жилъ на другой сторонѣ улицы, былъ часто предметомъ его размышленій. Хлѣбопекъ трудомъ и прилежаніемъ нажилъ честный достатокъ. Хлѣбы его были самые бѣлые и хорошо пропеченные во всемъ городѣ, и всѣ люди, которые знали хлѣбопека, радовались, видя, какъ росло его благосостояніе. Всѣ, но только не ткачъ Конру, который завистливымъ глазомъ считалъ достатокъ сосѣда.

«Зачѣмъ Аллахъ болѣе милостивъ къ этому человѣку, чѣмъ ко мнѣ! — думалъ Конру. — Кладовыя его полны, и [illegible] [illegible] ѣстъ. Онъ можетъ, когда захочетъ, угощать друзей, а меня грызутъ острые зубы бѣдности».

Напрасно молилась жена, напрасно ласкались дѣти: злыя мысли грызли сердце Конру, онъ [illegible] сосѣда одинъ его днемъ [illegible] злобы, которую впустилъ въ сердце. Работа валилась у него изъ рукъ. Тоска зависти — все равно, что разслабленіе отъ болѣзни.

Въ одинъ день, когда Конру работалъ на порогѣ дома, тоска такъ одолѣла его, что онъ бросилъ станокъ, изорвалъ тканье и убѣ-

жалъ изъ дома. Онъ долго бѣгалъ по берегу, смотря, какъ море волновалось отъ сильнаго вѣтра. Изъ гавани выходилъ корабль. Конру, не помня что дѣлаетъ, сѣлъ на корабль, не спросясь, куда онъ плыветъ. Все такъ опостылѣло ему, что онъ хотѣлъ одного: уйти куда-нибудь подальше отъ всѣхъ. Онъ забылъ и жену и дѣтей. Корабль плылъ день и ночь, и еще день и ночь. Бурный вѣтеръ носилъ его по морю, какъ орѣховую скорлупу. Только на третій день увидѣли землю. Больной и измученный Конру потребовалъ, чтобы его высадили на берегъ. Онъ хотѣлъ лучше блуждать въ чужой землѣ, нежели снова носиться по бурному морю. Его спустили въ лодкѣ на землю.

Печально оглядѣлся кругомъ Конру, когда лодка уплыла къ кораблю, и онъ остался одинъ на берегу. Берегъ былъ безлюдный, и человѣку негдѣ было приклонить головы, когда наступила ночь. Конру не смѣлъ оставаться на мѣстѣ, гдѣ стоялъ, — и пошелъ дальше все прямо, повернувъ спину къ морю. Нигдѣ не было слѣдовъ человѣческаго жилья, ни гостиницы, ни села, ни даже палатки.

Предъ нимъ подымалась высокая гора.

Онъ поспѣшно поднялся на нее, хоть былъ сильно измученъ. На вершинѣ горы онъ нашелъ небольшой прудъ прекрасной чистой воды. Конру обрадовался: онъ умиралъ отъ жажды и усталости. Онъ зорко оглядѣлся и увидѣлъ маленькую глиняную кружку, очень страннаго вида, брошенную у берега ручья. Конру почерпнулъ воды и поднесъ къ губамъ. О, чудо! Пока онъ пилъ, онъ слышалъ, какъ звенѣло золото въ карманахъ его куртки. Онъ сунулъ руку въ карманъ—въ рукѣ была горсть золотыхъ монетъ. Онъ снова наполнилъ кружку водою и началъ пить, и снова въ карманахъ зазвенѣло золото. Конру доставъ горсти золота изъ кармановъ, и блескъ его былъ ему милѣе, чѣмъ свѣтъ солнца. Онъ прижалъ золото къ сердцу, потомъ завязалъ его въ узелъ и взялъ драгоцѣнную кружку. Теперь онъ не сомнѣвался болѣе: въ ней былъ неистощимый источникъ богатства. Золото сыпалось въ его карманы съ каждымъ глоткомъ изъ кружки.

Теперь настала пора уйти отъ чудеснаго пруда. Солнце заходило за моремъ, и тьма ночи вставала надъ пальмовыми лѣсами, горой и деревнями въ долинѣ, которую Конру видѣлъ съ горы. Конру смотрѣлъ теперь на

красивые дома безъ зависти и съ чувствомъ торжества. Теперь онъ построитъ себѣ дворецъ въ городѣ, который видѣлъ съ горы. Онъ пошелъ въ городъ, еще разъ крѣпче затянувъ поясомъ драгоцѣнную кружку. Вскорѣ онъ пришелъ въ гостиницу и нанялъ на ночь комнату въ верхнемъ этажѣ. Изъ окна онъ увидѣлъ внизу во дворѣ цѣлыя горы сваленныхъ на землю дорогихъ товаровъ. Никогда еще Конру не видѣлъ такой массы разныхъ дорогихъ вещей, которыя были привезены изъ всѣхъ странъ Востока. Около товаровъ, бесѣдуя, сидѣли купцы. Конру сошелъ внизъ и подсѣлъ къ нимъ. Одни съ удивленіемъ, а нѣкоторые изъ нихъ съ пренебреженіемъ посмотрѣли на бѣдно одѣтаго незнакомца; а онъ съ благодарностью поднялъ взглядъ къ небу, прощая имъ презрительные взгляды: онъ зналъ, что на него скоро будутъ смотрѣть съ завистью.

Конру купилъ себѣ домъ въ этомъ городѣ, нанялъ множество слугъ, завелъ дорогихъ коней чисто арабской породы и, когда наступилъ вечеръ, пошелъ въ восхищеньи гулять по роскошному саду новаго дома. Онъ забылъ жену и дѣтей, которыя въ эту минуту съ горькими слезами звали его.

Горные потоки не текутъ быстрѣе, нежели текло золото въ сундуки Конру. Самые знатные и богатые жители города съ завистью смотрѣли на него; однако, какъ ни косились они подозрительно на новаго богача, но всегда съ радостью шли на его пиры и униженно льстили ему. Дочери ихъ громко превозносили его роскошь и великолѣпіе и говорили: «О, какъ бы хорошо было, если бъ этотъ чужестранецъ взялъ меня въ жены!» А въ дальнемъ городѣ, за моремъ, плакала покинутая жена и трое дѣтей говорили: «Азраилъ, ангелъ смерти, отнялъ у насъ свѣтъ нашихъ очей». И друзья плакали съ ними.

Вскорѣ случилось, что и хлѣбопекъ, хотя былъ зажиточнымъ человѣкомъ, тоже заболѣлъ жаждою богатства. Ремесло приносило ему хорошій доходъ, и солнце, восходя и заходя, всегда заставало его за работой на порогѣ лавки, всегда видѣло ласковую улыбку, съ какою онъ встрѣчалъ покупщиковъ, всегда слышало ласковое слово или дружескую шутку или похвалу работящей женѣ, дѣтямъ и подмастерьямъ, а иногда и шутливое поддразниванье или безобидную насмѣшку. Теперь солнце видѣло только хмурое и недовольное лицо. Хлѣбопекъ съ утра до ночи

тосковалъ да молился Аллаху, чтобы тотъ послалъ ему богатство.

И вотъ разъ хлѣбопекъ опустилъ руку въ карманъ и съ удивленіемъ нашелъ въ немъ золотую монету. Онъ размѣнялъ ее, но она опять очутилась у него въ карманѣ. Онъ обрадовался, что нашелъ источникъ безконечнаго богатства.

Онъ скрылъ неожиданный даръ Аллаха даже отъ вѣрной жены своей и продолжалъ заниматься своимъ ремесломъ; но занимался не попрежнему, и всѣ скоро замѣтили, что у хлѣбопека что-то на умѣ, и что онъ мѣтитъ высоко. Онъ держалъ себя гордо, не смѣялся и не шутилъ болѣе съ сосѣдями; слова его и улыбка, которыя падали на сердца, какъ роса на траву, стали теперь скупы и холодны. Тайна жгла его сердце, какъ скрытый огонь. Онъ не спалъ по ночамъ. Что онъ будетъ дѣлать съ богатствомъ, накопленнымъ отъ неразмѣнной золотой монеты? Въ родномъ городѣ нельзя тратить. Сосѣди спросятъ: откуда все взялось? Онъ порѣшилъ уйти и ушелъ ночью, не сказавъ никому ни слова, не простясь съ женой и дѣтьми. Онъ дошелъ до пристани и сѣлъ на первый корабль, который отплывалъ поутру.

Случилось такъ, что корабль привезъ его въ тотъ же городъ, гдѣ жилъ прежній сосѣдъ его, ткачъ Конру.

Хлѣбопекъ такъ же, какъ и ткачъ, купилъ себѣ домъ и садъ. О, какъ сладостно показалось ему богатство, когда онъ въ первый разъ вкусилъ его! Солнце вставало и заходило и не видѣло болѣе за работой работящаго хлѣбопека. Оно видѣло богатаго человѣка, который только и думалъ о томъ, какъ бы купить какую-нибудь новую дорогую вещь, какъ бы повеселѣе пировать весь день. Онъ вставалъ не такъ, какъ вставалъ, будучи хлѣбопекомъ. Хлѣбопекъ поднимался съ зарей, будилъ подмастерьевъ, валялъ хлѣбы и пироги для покупателей, выстаивалъ днемъ съ веселыми прибаутками цѣлые часы у печи, несмотря на пламя; а вечеромъ, когда ложился спать, смѣялся во снѣ со своими сосѣдями и покупателями. Хлѣбопекъ лѣниво поднимался, когда солнце уже высоко стояло на небѣ; онъ зѣвалъ и потягивался; ему было жаль оставить мягкую шелковую постель, а въ комнатѣ его несся дымъ отъ благовонныхъ куреній, слышался плескъ фонтана, и рабы и рабыни на колѣняхъ ждали приказаній своего властелина и подно-

сили ему ко рту самыя дорогія и лакомыя яствы. Ему не нужно было вставать на работу.

Хлѣбопекъ съ отвращеніемъ заглушалъ воспоминанія о бѣдности и работѣ и приказывалъ рабамъ принести благовонныя мыла и масла, кубки, полные душистымъ и прохладительнымъ питьемъ, и рѣдкіе фрукты. Потомъ онъ приказывалъ одѣть себя въ роскошныя одежды и шелъ на базаръ, гдѣ купцы встрѣчали его съ тѣми знаками почтенія, какъ встрѣчали и прежняго сосѣда его, ткача Конру. На базарѣ онъ покупалъ все, что нравилось ему, приказывалъ снести домой и, когда онъ уставалъ отъ ходьбы по базару, шелъ домой, гдѣ ждала его новая жена. Хлѣбопекъ такъ же, какъ и Конру, женился на одной изъ первыхъ красавицъ—дочери одного изъ первыхъ богачей въ городѣ. Онъ такъ же, какъ и Конру, забылъ жену и дѣтей, которыя въ родномъ городѣ плакали о томъ, что Азраилъ, ангелъ смерти, унесъ отца.

Хлѣбопекъ долго не зналъ, что Конру живетъ въ томъ же городѣ. Въ одинъ день онъ пошелъ въ лучшую гостиницу въ городѣ (теперь у него не было другого дѣла, какъ ходить по гостиницамъ), которая стояла на

берегу широкой и быстрой рѣки. Онъ сѣлъ у берега и смотрѣлъ, какъ стрѣлою неслось теченіе и, пѣнясь, дробилось о берегъ. «Такъ унеслися отъ меня навсегда бѣдность и трудъ, — сказалъ себѣ нашъ хлѣбопекъ-богачъ. — Вмѣсто того, чтобы печься самому у печи, пропекая хлѣбъ для покупателей, я буду ѣсть плоды ихъ трудовъ; они теперь работаютъ на меня и служатъ мнѣ».

Вдругъ онъ услышалъ шумъ. Въ гостиницѣ и въ саду поднялась суета. Хозяинъ и слуги забѣгали во всѣ стороны, сидѣвшіе посѣтители разступалися почтительно, чтобы дать дорогу богато одѣтому человѣку, который шелъ въ сопровожденіи многочисленной свиты рабовъ. Онъ сѣлъ возлѣ хлѣбопека и заговорилъ съ нимъ съ величавымъ снисхожденіемъ. Польщенный хлѣбопекъ отвѣчалъ ему съ почтеніемъ; но это не долго продолжалось. Вглядываясь пристальнѣе, онъ узналъ, несмотря на выкрашенную теперь, черную какъ вороново крыло бороду, выросшую до пояса, своего прежняго сосѣда-ткача. Ткачу нисколько не смутился, увидѣвъ, что его узнали, улыбнулся привѣтливо хлѣбопеку и поздравилъ его съ счастливою перемѣной въ его наружности. Старые знакомцы разговори-

лись откровенно и разсказали, чему были обязаны такою счастливою перемѣной. У хлѣбопека заскребло на сердцѣ отъ всего, что онъ услышалъ о богатствѣ ткача, и когда тотъ пригласилъ его къ себѣ на пиръ въ этотъ вечеръ, то онъ едва могъ пробормотать несвязный отвѣтъ.

Съ трудомъ доплелся хлѣбопекъ до дома, такъ дрожали его ноги отъ завистливаго и злобнаго волненія. Онъ легъ на землю у фонтана, на своемъ любимомъ мѣстѣ; но напрасно журчалъ фонтанъ, напрасно заливались звонкими трелями птицы, напрасно благоухали цвѣты: хлѣбопекъ не слышалъ и не видѣлъ ничего. Наступалъ часъ обѣда, и красавица, новая жена его, подошла къ нему неслышными шагами, низко поклонилась и сказала:

— Пойдемъ, мой супругъ, пусть душа твоя порадуется на все прекрасное, что намъ дано Аллахомъ.

Онъ печально взглянулъ на нее, и тутъ она увидѣла, что лицо его блѣдно, какъ ея тонкія полотняныя одежды или какъ тѣсто бѣлыхъ хлѣбовъ, которые онъ прежде пекъ.

— Къ чему мнѣ всѣ эти дары Аллаха? — вымолвилъ онъ наконецъ. — Этотъ жалкій

ткачъ, на котораго я и смотрѣть не хотѣлъ въ нашемъ городѣ, котораго я считалъ за вьючнаго осла, который каждый день зарабатывалъ только нѣсколько грошей и трудомъ могъ только нищенски прокормить жену и дѣтей,—этотъ жалкій ткачъ теперь равенъ князьямъ земли. Богатство льется къ нему рѣкой, а мое собирается у меня какъ капли дождя, половина которыхъ высыхаетъ въ пескѣ.

Жена обняла плачущаго хлѣбопека и всѣми силами старалась утѣшить его, но напрасно. Золото лилось въ карманы ткача по мѣрѣ того, какъ онъ пилъ изъ волшебной кружки, а какъ бы часто ни размѣнивалъ каждый день хлѣбопекъ свою монету, у него въ карманѣ шевелилась все одна и та же монета.

— О, какъ медленно,—повторилъ онъ,— смерть придетъ прежде, чѣмъ я сдѣлаюсь съ этой жалкой монетой такимъ богачомъ, какъ Конру. А Конру во сто разъ разбогатѣетъ тогда.

Когда настаіъ вечеръ, онъ одѣлся въ лучшую одежду и пошелъ на пиръ къ ткачу. Онъ остолбенѣлъ отъ удивленія, когда переступилъ порогъ дома ткача и увидѣлъ рос-

кошное убранство дома и драгоцѣнныя вещи, которыми были полны всѣ горницы. Солнце зашло, но множество золотыхъ и серебряныхъ ярко горѣвшихъ лампъ давали такой сильный свѣтъ, что можно было подумать, будто свѣтитъ солнце. Хозяинъ дома, лежавшій на бархатныхъ и убранныхъ золотымъ шитьемъ подушкахъ, благосклонно кивнулъ ему головой и протянулъ руку. Вскорѣ хозяинъ и гость сѣли за роскошный ужинъ; на столѣ стояли дорогія яства и вина. Разговоръ зашелъ сначала о прошедшихъ временахъ.

— Я нахожу, — сказалъ хлѣбопекъ, — что здѣсь есть много хорошихъ вещей, а только хлѣбъ не хорошъ. Его не сравнить съ тѣми хлѣбами, которые я пекъ. Они были легки, какъ пухъ, и бѣлы, какъ снѣгъ съ горныхъ вершинъ.

— Слова твои, хлѣбопекъ, — слова истины. Твои хлѣбы можно ѣсть и въ раю. А что думаешь ты о работѣ шелковой ткани моихъ одеждъ?

— Противъ нея, ткачъ, я не могу сказать ни слова, — отвѣчалъ гость, завистливымъ взглядомъ сравнивая толстыя дорогія ткани одеждъ хозяина и свою собственную простую одежду. — О, Аллахъ, Аллахъ! — вскричалъ

онъ надрывающимся голосомъ, поднимая глаза къ потолку и въ то же время крѣпко держа въ рукѣ кубокъ съ виномъ,—зачѣмъ далъ ты этому человѣку безцѣнную кружку, а мнѣ жалкую золотую монету?

— Другъ,—милостиво отвѣчалъ хозяинъ,—не принимай это такъ близко къ сердцу. Не всѣ могутъ быть любимцами Аллаха. Ты не видѣлъ еще мою драгоцѣнную кружку,—и онъ досталъ ее изъ-за пояса.— Бери ее съ почтеніемъ. Это не такая вещь, какъ дрянная золотая монета, къ которой можетъ прикасаться рука каждаго простого человѣка.

Хлѣбопекъ взялъ кружку и сжалъ ее твердою рукой.

— О, ты дорога, какъ моя голова, какъ мои глаза, какъ моя душа! Ты благословенный источникъ неисчислимаго богатства!— вскричалъ онъ въ восторгѣ. Вдругъ онъ сказалъ другимъ голосомъ: — И какъ же ты хрупка и непрочна! Если бъ я бросилъ тебя о мраморный полъ?.. Твое богатство, ткачъ, исчезло бы навсегда.

Ткачъ закричалъ отъ испуга и кинулся съ распростертыми руками схватить кружку. Гость презрительно расхохотался.

— На, бери сокровище свое, бери тихо и осторожно! Я вѣдь сказалъ, что твое сокровище хрупко и недолговѣчно. Толчокъ, ударъ, случай могутъ уничтожить его. Зато взгляни на мое,—и онъ досталъ золотую монету и, что было силъ, бросилъ ее о полъ.— Смотри, она все такая же, ничто не можетъ ни уничтожить ея ни испортить. Она вѣчна.

— Дуракъ,—возразилъ разобиженный хозяинъ, пугливо запрятывая за пазуху свою кружку,—ты сравниваешь свою жалкую монету съ моимъ сокровищемъ. Держи крѣпко свою монету, она у тебя одна, а у меня — смотри и удивляйся.

И съ этими словами онъ наполнилъ кружку вровень съ краями дорогимъ виномъ и залпомъ опорожнилъ ее; потомъ онъ досталъ изъ кармановъ горсть золотыхъ монетъ, которыя звенѣли въ нихъ, швырнулъ ихъ гостю и сказалъ:

— На, бѣдный хлѣбопекъ, утѣшь свою душу.

Гнѣвъ запылалъ огнемъ въ сердцѣ хлѣбопека такъ же, какъ пылаетъ отъ молній снѣжная вершина Арарата.

— Дрянной ткачъ, сынъ дряннаго ткача, ты хочешь поставить ногу мнѣ на голову!

Развѣ сердце твое не билось радостно, когда ты переступалъ порогъ моего дома? Развѣ твой голосъ не звучалъ униженно, а мои милостивыя слова не были для тебя манной небесной?

— Слушай, — говорилъ ткачъ съ благосклонной улыбкой, которая, онъ зналъ, обидитъ хлѣбопека хуже всякой обиды: — если ты задумаешь снова приняться здѣсь за твое ремесло, какъ за подспорье къ твоей жалкой золотой монетѣ, то я помогу тебѣ. Я и всѣ мои домащніе не будемъ ѣсть другого хлѣба, кромѣ твоего, и отрекомендую тебя первымъ вельможамъ въ городѣ, моимъ друзьямъ.

Хлѣбопекъ не въ силахъ былъ долѣе сдерживать гнѣвъ. Онъ вскочилъ съ дивана и схватилъ ткача за горло.

— Ахъ, ты, дрянной, надутый выскочка! О, Аллахъ, дай мнѣ терпѣнье, чтобы я не убилъ его на мѣстѣ. Я всегда былъ человѣкомъ получше тебя, ты не видѣлъ того почета, что я видѣлъ отъ людей. Меня весь свѣтъ зналъ за лучшаго хлѣбопека. Всѣ встрѣчали меня съ поклонами, а тебя ни одна живая душа. О тебѣ столько же думали, какъ о дохлой собакѣ. Только бѣдная жена твоя да несчастныя дѣти, которыхъ ты такъ безжалостно бросилъ, и думали о тебѣ.

— Ты лжешь!—кричалъ ткачъ и разорвалъ на хлѣбопекѣ курту и чалму.—Тебѣ былъ почетъ только отъ жены и дѣтей, которыхъ ты безжалостно бросилъ. Я тебя изобью такъ, что будешь черенъ, какъ сожженный въ уголь хлѣбъ, и мягокъ, какъ невыпеченное тѣсто. Твоя жалкая золотая монета свела тебя съ ума.

Крикъ и драка поднялись на весь домъ. Прибѣжавшіе на шумъ слуги и рабы напрасно старались оттащить враговъ другъ отъ друга. Расшитое золотыми цвѣтами платье ткача висѣло клочьями; одежда и лицо хлѣбопека также сильно пострадали. Можно было подумать, что онъ только что отошелъ отъ пылавшей печи. Случилось такъ, что городской судья проходилъ въ это время мимо дома. Онъ услышалъ шумъ и вошелъ въ домъ со своими служителями. Прошло не мало времени, пока ему удалось нѣсколько унять ярость враговъ и заставить выслушать его слова. Изъ неосторожныхъ словъ и брани обоихъ онъ узналъ, кто они и какъ разбогатѣли, и приказалъ имъ на другой день явиться въ судъ для того, чтобы выслушать его приговоръ.

На другой день, вскорѣ послѣ восхода солнца, оба врага, въ сопровожденіи слугъ, явились въ судъ. Оба, насколько было возмож-

но, изгладили умываньями и притираньями слѣды вчерашней драки и надѣли новыя прекрасныя одежды. Одежды ткача были великолѣпны, и онъ свысока смотрѣлъ на врага, на судью, на собравшійся народъ. Много знатныхъ городскихъ лицъ пришли въ судъ изъ любопытства и сидѣли около кади. Подсудимые стояли предъ ними. Кади съ суровымъ и торжественнымъ видомъ спросилъ о причинѣ вражды. Оба врага сначала старались всѣми силами говорить хладнокровно; но не прошло и нѣсколько минутъ, какъ глаза ихъ засверкали, въ голосѣ зазвучало пренебреженіе. Хлѣбопекъ первый заговорилъ о чудесныхъ источникахъ богатства. Когда онъ упомянулъ о чудесной кружкѣ, въ глазахъ кади заискрилась алчность, и онъ потребовалъ, чтобы ему показали волшебную кружку. Ткачъ осторожно досталъ ее изъ-за пояса, и рука кади уцѣпилась за нее, какъ рука утопающаго за веревку. Потомъ кади потребовалъ, чтобы хлѣбопекъ показалъ ему свою золотую монету: ему надо было сравнить оба волшебные дара и рѣшить, который изъ нихъ лучше, и тѣмъ порѣшить споръ. Кади подали монету, и онъ долго сравнивалъ обѣ вещи, а глаза его такъ и свѣтились восторгомъ и алчностью.

— О, вѣрующіе въ пророка! Ничто такъ не цѣнно въ глазахъ его, какъ миръ и любовь. Я совершилъ бы страшный грѣхъ, если бы оставилъ въ вашихъ рукахъ вещи, бывшія причиной вашей вражды. Онѣ зажгли въ васъ злостный огонь, который васъ пожретъ. Вотъ почему я отберу у васъ обѣ вещи и положу ихъ на храненіе въ тайное мѣсто, чтобы онѣ не смущали людей.

Слова эти поразили подсудимыхъ, какъ ударъ грома. Оба врага задрожали, какъ дрожатъ деревья въ бурю. Богатство ихъ было разрушено этими словами кади, имъ снова грозила прежняя бѣдность. Долго оба не могли сказать ни слова; губы ихъ шевелились, но не слышно было ни одного звука. Наконецъ, хлѣбопекъ первый заговорилъ:

— Отдай мнѣ мою монету, о, самый справедливый и милостивый изъ судей! — умолялъ онъ жалобно. — Отдай, — и благословеніе Аллаха да будетъ надъ тобой.

Ткачъ, потеря котораго была еще больше, могъ только жалобно кричать, стонать, ломать руки и рвать свою крашеную, раздушенную бороду. Кади имѣлъ каменное сердце и желѣзную руку. Жалобы не трогали его, и онъ попрежнему держалъ оба волшеб-

ные источника богатствъ. Напрасно оба врага упали предъ нимъ на колѣни, напрасно умоляли о состраданіи. Ткачъ обратился къ своимъ друзьямъ, городскимъ вельможамъ, умоляя ихъ заступиться за него; но тѣ смотрѣли на него съ презрѣніемъ и злобной радостью. Его богатство давно уже намозолило имъ глаза. Тогда хлѣбопекъ и ткачъ пришли въ отчаяніе и стали грозить судьѣ, что они подадутъ на него жалобу падишаху, и тотъ возвратитъ имъ собственность ихъ изъ рукъ грабителя.

Тогда кади, чувствуя справедливость ихъ словъ, разгнѣвался и приказалъ отвести ихъ въ тюрьму.

Ткача и хлѣбопека немедленно отвезли въ городскую тюрьму и заперли обоихъ въ крошечную квадратную келью. Крошечное окошечко, закрытое толстою желѣзною рѣшеткой, слабо освѣщало ее. Полъ и стѣны были покрыты сыростью, потому что келья была вырыта въ землѣ. Оба врага провели остатокъ дня плача и вздыхая. Когда настала ночь, они вспомнили мягкія шелковыя постели, ароматныя куренья, серебряныя лампы, и рабовъ и рабынь, которые служили имъ. Они не могли заснуть всю ночь на гнилой соло-

мѣ, въ сыромъ и вонючемъ подземельѣ. Утренній свѣтъ, скудно падая сквозь рѣшетку, освѣтилъ исхудалыя, измученныя лица. Послышались шаги за стѣной, скрипъ ключа въ ржавомъ замкѣ, и въ тюрьму вошелъ тюремщикъ, неся ломоть хлѣба и кружку воды. Онъ сказалъ имъ, чтобы они благодарили и славили Аллаха за эту пищу.

Невольный, злой и судорожный смѣхъ вырвался у обоихъ заключенныхъ. Вдругъ на улицѣ раздался тихій и нѣжный голосъ. Оба врага бросились къ окну и увидѣли милое лицо красавицы. Хлѣбопекъ протянулъ руки: онъ узналъ жену свою Алиду.

— Ты пришла принести мнѣ утѣшеніе, о, вѣрная супруга моя, сокровище моей жизни! — повторялъ онъ въ восторгѣ.

— Я услышала, — зазвучалъ нѣжный голосокъ, — что ты посаженъ въ тюрьму, о, супругъ души моей и мой повелитель. Я не знаю, за что тебя заключили въ тюрьму, но я знаю одно, что они не осмѣлятся долго продержать тебя въ заключеніи. Ты скоро вернешься домой, и я все своими руками приготовила для встрѣчи моего супруга и повелителя. Въ твоей любимой комнатѣ, при

солнечномъ закатѣ, ждетъ тебя ужинъ, который я сама состряпала.

— Я никогда не увижу своего дома! — простоналъ [illegible] потомъ разсказалъ женѣ, что все [illegible]. Единственный источникъ его [illegible] золотая монета, въ рукахъ кади. Теперь не на что содержать домъ, теперь надо все [illegible].

Жена слушала его съ [illegible] и испугомъ. На лицѣ ея выражалось не состраданіе къ мужу, но горечь обманутыхъ надеждъ и злоба.

— О, противный, ничтожный, низкорожденный, жалкій человѣкъ? — кричала она. — Я вышла за тебя замужъ, я, первая знатная невѣста, первая красавица въ городѣ, и за все это мое богатство, мои наряды, мои рабыни, мои драгоцѣнныя вещи — все пойдетъ по вѣтру.

Онъ не слыхалъ ея словъ, но онъ прочелъ свой приговоръ въ ея черствомъ, полномъ презрѣнія взглядѣ. Жена бросила его, она была его женою только ради его богатства. Онъ упалъ на землю и заплакалъ.

Алида ушла, не взглянувъ на мужа, и въ ту же минуту послышался стукъ подъѣзжавшей колесницы. Изъ нея раздался злобный смѣхъ.

Ткачъ вскочилъ, кинулся къ окну и увидѣлъ свою жену Калилъ, которая уже успѣла узнать обо всемъ отъ [illegible].

— Такъ это ты, [illegible] жалкій ткачъ, который давно ли [illegible] былъ равенъ князьямъ земли? Ткачъ, не [illegible] ткань твоихъ бѣдствій!..

— О, не оставляй меня! — молилъ ткачъ, протягивая къ ней сложенныя руки. — Кому же пожалѣть меня, какъ не тебѣ? Я любилъ тебя.

— Ты обманулъ меня, прощай!

Черезъ минуту она вернулась и съ хохотомъ сказала:

— Гдѣ же твоя кружка? Гдѣ золотой дождь, который лился въ твои карманы? О, какое ты жалкое ничтожество!

Тутъ оба заключенные услышали шумъ голосовъ, грубый хохотъ и насмѣшки рабовъ, которые прежде ползали предъ ними на колѣняхъ и льстили имъ. Вдругъ хохотъ стихъ, рабы побѣжали за женами заключенныхъ по домамъ, грабить все, что попадалось подъ руку.

Общее горе сближаетъ людей. Передъ обидою женъ и рабовъ, взаимныя обиды ткача и хлѣбопека казались пустяками. Они не

смотрѣли уже [illegible] на дру-
га, но сидѣ[illegible] тихо
сошелъ на [illegible]
ны, какъ [illegible]
вечера, [illegible]
динѣ. Как[illegible]
на морско[illegible]
они эти [illegible]
дѣтьми[illegible]

— О, [illegible]
дай мнѣ еще [illegible]
и дѣтей [illegible] О,
мои дѣти, [illegible]

— Конру, другъ [illegible] — [illegible]
пекъ, — если бы я могъ тепер[illegible]
лый хлѣбъ изъ моей пекарни, это было бы
пищей для сердца моего. Какъ вкусны были
мои хлѣбы!

— Какъ манна въ пустынѣ, — отвѣчалъ ткачъ съ глубокимъ вздохомъ. — Моя драгоцѣнная одежда изорвана и испачкана, но шелковая ткань видна изъ-подъ пятенъ. Развѣ можно сравнить ее съ той, которую я ткалъ? Ты носилъ одежду изъ моей ткани, и какъ гордо билось мое сердце, когда я слышалъ, какъ люди хвалили ее.

— И какъ гордилась моя вѣрная жена,

когда видѣли [illegible] въ этой одеждѣ! Поутру, мнѣ снилось [illegible], что я снова [illegible] была полна народу, [illegible] съ радостными возгласами [illegible]ъ? Жена моя стояла [illegible] моей молодости, [illegible] со мною и трудъ, [illegible] горе, [illegible] трещалъ въ печи... О, [illegible] моя снова на [illegible] руку, кара[illegible]

О, [illegible] ее. Мы сохли отъ тоски [illegible] до того, что намъ жизнь опостыла[illegible]. Онъ послалъ намъ богатство, чтобы научить насъ, какъ оно легко исчезаетъ. И для него мы покинули такъ предательски женъ и дѣтей. О, жена моя! о, дѣти! Неужели же я никогда не увижу васъ? Азраилъ, ангелъ смерти, грозитъ мнѣ своимъ мечомъ. О, не проклинай меня, бѣдная, покинутая жена, не проклинайте меня, бѣдныя дѣти мои!

У дверей раздался стукъ, заскрипѣли ржавые запоры, и въ тюрьму вошелъ кади. По правую и по лѣвую руку его шли палачи съ сѣкирами.

— Я пришелъ, — сказалъ грозно кади,—

[illegible]

заключен[illegible] взяли [illegible] нѣ. [illegible] свои [illegible] нибудь [illegible] имъ. Послѣ [illegible] ванія они [illegible] берегъ и [illegible] Солнце медленно [illegible] домовъ и мечетей. Когда корабль [illegible] къ берегу, то хлѣбопекъ и ткачъ увидѣли двухъ женщинъ съ дѣтьми, стоявшихъ на берегу. Они закричали имена ихъ, женщины и дѣти отвѣчали радостнымъ крикомъ, и черезъ нѣсколько минутъ жены и дѣти обнимали обоихъ возвратившихся бѣглецовъ. Радостно вернулись всѣ въ свои дома, куда друзья и родственники сбѣгались для радостной встрѣчи.

Какъ скоро солнце на другой день озолотило край неба, ткачъ и хлѣбопекъ встали, чтобы приняться за работу, и съ тѣхъ поръ

... строившую
... день.
Ге... ...или
... радова-
...
...мѣсто...
...съ. Имъ...
...вой понимали...
...нибудь...
...мъ. Послѣ трехмѣсячнаго...
...нія они увидѣли берегъ и...
солнце медленно...
...моль и метелей. Когда корабль пришелъ
...ъ берегу, то хлѣбопашцы и тѣзвъ увидѣли
...ухъ женщинъ съ дѣтьми, стоявшихъ на
...регу. Они закрывали лица ихъ, женщины
...дѣти отвѣчали радостнымъ крикомъ, и че-
...ъ нѣсколько минутъ жены и дѣти обни-
...ли обоихъ возвратившихся эллиновъ. Ре-
...етно вернулись всѣ въ свои дома, куда
...узья и родственники собрались для радост-
...встрѣчи.
...ѣвшъ скоро солнце на другой день около-
...ло край неба, тѣмъ и хлѣбопашцы встали,
...бы приняться за работу, и съ тѣхъ поръ